

Сара Бернар въ роли Гамлета.

Этюдъ Германа Банга.

Тотъ, кто когда-нибудь присутствовалъ на представленіи Гамлета съ Сарой Бернар въ заглавной роли, можетъ утверждать, что хоть разъ въ жизни столкнулся лицомъ къ лицу съ настоящимъ гениемъ. Ея выступленіе въ Гамлетъ было сплошнымъ триумфомъ, и стихійный восторгъ, совершенно исключалъ всякую возможность критики со стороны недо-брожелателей.

Я лично, долженъ признаться, что эта женщина въ костюмѣ Гамлета—лучшая толковательница этой роли. Сдана она

стумѣла дать цѣльный полный жизни и яркости образъ принца Датскаго. Съ юношескихъ лѣтъ волнуетъ меня этотъ образъ и мнѣ удалось видѣть лучшихъ исполнителей этой роли. Нѣкоторые изъ нихъ вызвали даже мое восхищеніе, но всѣ они настолько затуманивали мое личное представленіе о Гамлетѣ, что послѣ каждаго такого спектакля я долженъ былъ перечитать Шекспира, чтобы возстановить въ моей памяти утерянный образъ. И до сихъ поръ, только одна Сара Бернар воплотила въ сценическомъ образѣ живого человека, котораго я узналъ и позналъ. И это не только потому, что ея выдающійся гений постигъ

глубины Шекспировской мысли, но, главнымъ образомъ потому, что создавая роль Гамлета она съ необыкновенной послѣдовательностью и силой воплощенія провела одну основную черту его характера.

Однако, сначала приведемъ мнѣнія толпы: Странно поражаетъ Гамлетъ въ исполненіи женщины. Поражаетъ? — но отчего? Чисто съ внѣшней стороны? Но вѣдь въ Шекспировскихъ драмахъ роли юношей такъ часто исполняются артистками. А въ Гамлетовскомъ фантастическомъ одѣяніи, женскія формы менѣе всего обращаютъ на себя вниманіе. Или м. б. мы съ предубѣжденіемъ относимся къ толкованію женщиной мужскихъ переживаній? Въ такомъ случаѣ исполненіе Сары Бернар должно разсѣять это предубѣжденіе навсегда. Глядя на нее, каждому становится ясно, что именно въ Гамлетѣ прикавало къ себѣ вниманіе великой артистки: въ этомъ именно образѣ, пожалуй въ немъ одномъ, она могла развернуть всю глубину и богатство переживаній, столь близкихъ ея собственной индивидуальности. Ей необходимо было перевоплотиться въ мужчину, чтобы въ образѣ Гамлета всецѣло показать тѣ душевныя муки, которыя являются основой ея гения.

Она выводитъ передъ нами Гамлета-неврастенника.

Мощная цѣлостность образа выступаетъ передъ нами благодаря глубокой искренности и правдивости съ которой Сара Бернар раскрываетъ весь хаосъ ужасѣйшихъ, противорѣчивыхъ, измѣнчивыхъ и никогда всецѣло не подвластныхъ волѣ настроеній, столь свойственныхъ неврастенію. Потому что эти душевныя переживанія ничто иное, какъ сильѣйшая неврастенія, которая почти граничитъ съ безуміемъ.

Съ изумительнымъ проникновеніемъ изображаетъ она всѣ эти настроенія неврастенника, еще владѣющаго собой; но проявляющаго себя больше, чѣмъ ему самому того хотѣлось бы. Однимъ изъ такихъ моментовъ является выходка Гамлета по отношенію къ Розенкранцу, когда онъ ему суесть въ ротъ флейту. Или когда онъ прыгаетъ отъ восторга, думая, что за нимъ не слѣдять.

Съ изумительной многосторонностью обрисовала Сара Бернар душевный образъ Гамлета.

Гамлетъ не сумасшедшій, но все время балансируетъ на

границѣ безумія. Его взглядъ, интонація, его возгласы, полу-безсознательныя движенія—все доказываетъ это. Какой ѣдкой сарказмъ, какая тонкая провія, какая гениальная насмѣшка, и какія краски для всего этого нашла Сара Бернар. Все это утрированное—почти болѣзненное. Этотъ мозгъ, внезапно вспыхивающій мощной мыслью и въ ту же минуту готовый погрузиться въ тѣму безумія, подобенъ мозгу умирающаго, озареннаго предсмертнымъ ясновидѣніемъ. Играя своимъ безуміемъ Гамлетъ раздуваетъ пламя, погасить которое было еще въ его власти.

Были единичные моменты, когда принцъ Датскій въ трактовкѣ Сары Бернар, самъ боялся вспыхекъ своего безумія. Эти моменты были самыми высокими, неподражаемыми въ ея игрѣ, особенно, въ сценѣ съ Офеліей, когда принцъ нашелъ спрятаннаго Полонія.

Тутъ артистка дѣлаетъ огромную паузу. Ея Гамлетъ не говоритъ. Онъ стоитъ безмолвный и неподвижный. Только глаза сверкаютъ. Но въ его многотрудной головѣ, въ секунду только, помутился разсудокъ и почва стала уходить изъ-подъ его ногъ. И въ безудержно—грубомъ порывѣ злобы, лишенномъ всякаго здраваго смысла, безвольно выкрикиваетъ онъ свои ужасныя проклятія несчастной, ни въ чемъ неповинной Офеліи.

Я не знаю никого, кромѣ Достоевскаго, кто бы съ такой же силой проникнулъ въ глубину человѣческой души, находящейся на роковой грани безумія. И все-таки этотъ Гамлетъ не былъ болѣзненнымъ. Сила его гения ступенивала слѣды его душевной болѣзни.

Кто не слышалъ разговоры Гамлета съ Полоніемъ, или Розенкранцемъ и Гильденштерномъ въ исполненіи Сары Бернар,—тотъ не слышалъ ихъ совѣтъ. Тутъ гений Шекспира тѣсно сплелся съ гениемъ артистки и создалось нечто неожиданно-великое, почти немыслимое...

Когда же отъ блестящихъ рѣчей, Сарѣ Бернар—Гамлету пришлось перейти къ дѣйствию, она съ необыкновенной яркостью изобразила переживанія Датскаго принца, переживанія за непроизвольной силой которыхъ крылось надвигающееся безуміе.

Надо только вдуматься въ поведеніе Гамлета во время представленія и на празднествѣ. Ужасающее впечатлѣніе производятъ сцены, когда онъ крадется къ трону и его внезапный выпадъ противъ короля. А его смѣхъ! Какъ страшно прозвучалъ этотъ торжествующій смѣхъ, полный безумія, издѣвательства и ненависти!

Той же мощью была проникнута игра Сары Бернар въ сценѣ послѣ исчезновенія тѣни отца Гамлета. Ея отступленіе подъ проклятіями друзей; ужасъ въ ея глазахъ, убійственный страхъ передъ словами духа—все это леденить кровь въ жилахъ. Въ самой роли почти нѣтъ данныхъ для этого—все создано артисткой.

И неужели эта женщина, создавшая такого Гамлета, не имѣетъ на это права, только потому, что она женщина? За ней больше, чѣмъ право. Кто такъ творитъ—тотъ обязанъ творить.

И мы, которымъ выпало счастье, лицезрѣть такого „Гамлета, принца Датскаго“, обогатились однимъ огромнымъ душевнымъ переживаніемъ. Въ первый разъ дарованіе артиста, воплотившаго образъ Шекспировскаго Гамлета, возвысилось до гения драматурга, создавшаго этотъ образъ. И несмотря на это—сколько тяжелодумныхъ критиковъ станутъ глубокомысленно пререкать, что: „Сара Бернар вѣдь только женщина и она родственна Шекспиру только по своему темпераменту и развѣ еще. по своему гению“. Но для глубокомысленныхъ критиковъ и этого вѣдь не достаточно!

Германъ Бангъ.
Пер. Н. К.